



УДК 314.7.044(571)
<https://doi.org/10.26516/2073-3402.2026.55.73>

Территориальная подвижность населения регионов Сибирского и Дальневосточного федеральных округов

К. В. Парфенова, Л. М. Фалейчик*

Институт природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН, г. Чита, Россия

Аннотация. Представлены результаты исследования территориальных особенностей трансформации структуры населения Сибирского (СФО) и Дальневосточного (ДФО) федеральных округов и оценки его миграционной активности за межпереписной период 2002–2021 гг., выполненных на основе географического анализа итогов всероссийских переписей и других открытых данных Росстата. Выявлено, что ядро постоянного населения рассматриваемых регионов в настоящее время формируют местные уроженцы, доли которых в структуре населения регионов превышают 60 %. Остальная часть населения регионов – приезжие – представлена прослойками новоселов, переходных мигрантов и старожилов. Структура приезжего населения и ее изменения являются индикаторами подвижности и приживаемости мигрантов. Показано, что на исследуемой территории большей миграционной подвижностью и подвижностью сельского населения в сравнении с сибирскими регионами отличается население дальневосточных регионов. Однако несмотря на их большую привлекательность для новоселов, миграционные потери в ДФО более значительны, чем в СФО. Выявлена более низкая приживаемость приезжего населения на Дальнем Востоке в сравнении с сибирскими территориями. По данным Всероссийской переписи населения 2020 г. для всех рассматриваемых регионов представлены направления и мощность основных миграционных потоков коренного населения. Установлено, что за исследуемый период сохранилась ориентация потоков на соседние территории с превалированием вектора западных направлений. Для сохранения демографических ресурсов рассматриваемых регионов в первую очередь необходимо существенное повышение уровня и качества жизни населения этих территорий. Это позволит снизить миграционную подвижность собственных жителей, облегчить адаптацию и приживаемость приезжающего населения.

Ключевые слова: местные уроженцы, новоселы, старожилы, миграционная активность населения, Сибирский федеральный округ, Дальневосточный федеральный округ.

Благодарности. Работа выполнена в рамках государственного задания ИПРЭК СО РАН, проект № 126020216343-0.

Для цитирования: Парфенова К. В., Фалейчик Л. М. Территориальная подвижность населения регионов Сибирского и Дальневосточного федеральных округов // Известия Иркутского государственного университета. Серия Науки о Земле. 2026. Т. 55. С. 73–93. <https://doi.org/10.26516/2073-3402.2026.55.73>

Original article

Territorial Mobility of the Population in the Regions of the Siberian and Far Eastern Federal Districts

© Парфенова К. В., Фалейчик Л. М., 2026

* Полные сведения об авторах см. на последней странице статьи.
For complete information about the authors, see the last page of the article.

К. V. Parfenova, L. M. Faleychik

Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology SB RAS, Chita, Russian Federation

Abstract. The article presents the results of a study of the migration mobility of the population of the Siberian and Far Eastern regions, changes in its structure. The information base of the study is the all-Russian population censuses for the period 2002–2021 and other open data of Rosstat. The main research methods are statistical, comparative and geospatial analysis. It was revealed that at present, the core of the permanent population of the regions is formed by local natives (born and permanently residing in a given territory). Their share in the structure of the population of the regions exceeds 60 %. The rest of the population of the regions – newcomers – is represented by layers of new settlers, transitional migrants and old-timers. The structure of the immigrant population and its changes are indicators of the mobility and survival of migrants. It is shown that in the studied territory the population of the Far Eastern regions is characterized by greater migration mobility. In comparison with the Siberian regions, they are also distinguished by a higher mobility of the rural population. However, despite their greater attractiveness for new settlers, migration losses in the Far Eastern Federal District are more significant than in the Siberian Federal District. A lower survival rate of the immigrant population in the Far East has been revealed in comparison with the Siberian territories. According to the 2020 All-Russian Population Survey, the directions and strength of the main migration flows of the indigenous population are presented for all the regions under consideration. It was found that during the period under consideration, the orientation of these movements to neighboring territories and to the west was preserved. In order to preserve the demographic resources of the regions under study, it is necessary to improve the standard and quality of life of the population of these territories. This will reduce the migration mobility of their own residents, facilitate the adaptation and survival of the arriving population.

Keywords: local natives, new settlers, long-time residents, migratory activity, Siberian Federal District, Far Eastern Federal District.

For citation: Parfenova K.V., Faleychik L.M. Territorial Mobility of the Population in the Regions of the Siberian and Far Eastern Federal Districts. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Earth Sciences*, 2026, vol. 55, pp. 73–93. <https://doi.org/10.26516/2073-3402.2026.55.73> (in Russian)

Введение

Исторически окраинные территории Российского государства всегда вызвали определенную заботу и специфическую организацию его пространства. Политика государства всегда была направлена не только на хозяйственное освоение периферийных регионов, но и на их закрепление за счет активного заселения. Сложившаяся демографическая и миграционная ситуация в России, особенно в регионах Сибири и Дальнего Востока, отражает не только вопросы эффективности хозяйственной деятельности и качества жизни местного населения, но и нарастающую проблему национальной безопасности, заключающуюся в обезлюдении значительной части государства [Минакир, 2021; Ткаченко, 2023; Территориальные ... , 2018]. Решение демографических и миграционных проблем за счет современных программ развития и новых инструментов пространственной организации хозяйства (ТОРов), к сожалению, не дает значительного эффекта. Реальность современной демографической ситуации в этих регионах такова, что на фоне предпринимаемых государственных мер сохраняется значительный миграционный отток населения [Минакир, Найден, 2020; Рыбаковский, 2022; Glazyrina, Faleychik, Faleychik, 2020]. В связи с этим продолжает сохраняться актуальность именно государственного управления процессом формирова-

ния постоянного населения проблемных территорий. А необходимость отражения и изучения существующих проблем приживаемости переселенцев в местах вселения диктуется и существующим дефицитом трудовых ресурсов регионов Сибири и Дальнего Востока, на пространствах которых на современном этапе реализуются проекты социально-экономического развития [Воробьева, 2017; Motrich, Molodkovets, 2019].

Среди многочисленных авторов, рассматривающих демографические проблемы российских регионов, можно выделить Ж. А. Зайончковскую, В. И. Переведенцева, Л. Л. Рыбаковского, О. Л. Рыбаковского, П. А. Минакира, С. Н. Найден, С. И. Абылкаликова, С. В. Рязанцева и других, исследования которых опираются на данные переписей населения и статистических обследований, отражают глубинные аспекты миграционных процессов [Zaionchkovskaya, 1997; Рыбаковский, 2019; Rybakovskii, 2022; Minakir, Naiden, 2021; Karachurina, Mkrtychyan, 2020, 2024; Abylkalikov, 2014, 2016; Abylkalikov, Sazin, 2019; Ryazantsev, Moiseeva, 2022; Kartseva, Mkrtychyan, Florinskaya, 2020; Aleshkovski, Gasparishvili, Grebenyuk, 2023; Rural-urban ... , 2024].

Авторами данной статьи предпринята попытка рассмотреть и другие стороны миграционной подвижности населения регионов Сибирского (СФО) и Дальневосточного (ДФО) федеральных округов – их привязанность к собственной территории рождения, закрепляемость новоселов и старожилов, ее пространственные различия. Учитывая, что именно эти территории являются активными донорами в межрегиональном распределении населения в стране, необходимо более конкретное изучение предлагаемых вопросов. Отдельные аспекты пространственного анализа миграционной подвижности населения сибирских и дальневосточных регионов России уже были рассмотрены авторами ранее [Шворина, Фалейчик, 2018]. Настоящая работа является продолжением упомянутого исследования с учетом того, что в открытом доступе появились данные Всероссийской переписи населения 2020 г. Таким образом, целью является пространственный анализ миграционной активности населения регионов СФО и ДФО за межпереписной период 2002–2021 гг. и выявление территориальных различий в вопросах его подвижности.

Методология и данные исследования

Информационную базу исследования составили итоги всероссийских переписей населения 2002, 2010, 2020 гг.¹ (ВПН 2002, ВПН 2010, ВПН 2020), микропереписи 2015 г. (МПН 2015) и другие открытые данные Росстата². Пространственный анализ и визуализация данных выполнены с использованием геоинформационных технологий.

¹ Всероссийская перепись населения 2020 г. проведена по состоянию на 1 октября 2021 г. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020>. Из-за отсутствия альтернативных источников информации для анализа генезисной структуры населения используются итоги ВПН 2020 г., несмотря на их относительную неполноту.

² Всероссийские переписи населения. URL: https://rosstat.gov.ru/perepisi_naseleniya; Численность и миграция населения Российской Федерации. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13283>; Демография. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>; Социально-экономические показатели по субъектам Российской Федерации. Приложение к сборнику «Регионы России. Социально-экономические показатели». 2024. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/47652> и др.

Следуя методологии советских и российских демографов и социологов Ж. А. Зайончковской, В. И. Переведенцева [1965] и Л. Л. Рыбаковского [2019], в предлагаемом исследовании для характеристики миграционной подвижности населения территорий выделяем прослойку жителей регионов, родившихся на своей территории и продолжающих на ней проживать, – *местные уроженцы*, или *коренные жители*. Эта прослойка населения определяет устойчивость местного сообщества в рамках существующего постоянного миграционного обмена. По мнению демографа и экономгеографа В. М. Булаева [2012], эти ядра устойчивости формирования постоянного населения территории являются базовыми составляющими демографического потенциала. Остальная часть населения представлена пришлыми мигрантами, среди которых выделяются категории *новоселов* и *старожилов*. К категории новоселов, по Л. Л. Рыбаковскому, отнесены люди, проживающие менее 10 лет в месте жительства, не успевшие «обрасти» прочными социальными связями и сохранившие большую миграционную подвижность [Рыбаковский, 2003]. К старожилам, соответственно, – люди, прожившие более 10 лет в месте жительства, которые становятся более закрепленными и менее подвижными.

Такая структура населения основана на данных о месте рождения и продолжительности непрерывного проживания (ПНП) жителей по месту их постоянного жительства на момент переписи. Следует отметить, что по Методологическим пояснениям к итогам ВПН 2020, касающимся данного аспекта, *местом рождения* указывался субъект РФ, на территории которого родился респондент, *непрерывность проживания считалась прерванной* для жителей, родившихся и проживающих в данном населенном пункте, но переезжавших на постоянное место жительства в другой населенный пункт, в том числе на учебу в институт (или работу) и проживавших по месту обучения (работы)³. По этой причине структурный анализ населения выполнен по итогам переписей населения, исходя из числа респондентов, *указавших продолжительность непрерывного проживания* в месте своего постоянного жительства.

С точки зрения миграционной привлекательности регионов и вопросов закрепляемости пришлого населения больший исследовательский интерес представляют *новоселы*, проживающие на территории вселения не более двух лет. Такой подход использовался в работах А. В. Топилина, С. И. Абылкаликова и др. [Территориальные ..., 2018; Абылкаликов, 2015; Abykalkikov, 2016]. Доступная статистическая информация позволяет провести расчеты в этом методологическом ключе только по ВПН 2020 и МПН 2015, поэтому некоторые результаты нашего исследования ограничиваются этим периодом. Остальная часть пришлого населения регионов – мигранты, у которых ПНП в местах вселения составляет от двух до 10 лет, включены в состав *переходных мигрантов*, как некий демографический потенциал для укоренения на новом месте жительства или способный к новым перемещениям.

³ Методологические пояснения. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom6_met_VPN-2020.pdf.

Такая дифференциация населения отражает структурные и территориальные нюансы перемещения жителей регионов Сибири и Дальнего Востока в динамике.

Для отображения географической направленности потоков мигрантов и их мощности для каждого из рассматриваемых регионов по данным всероссийских переписей рассчитаны доли коренного населения, проживающего на малой родине (в регионе рождения) и на чужбине, а также мощность потока уроженцев i -го региона, переселившихся в j -й регион:

$$r_i = \frac{u_{ii}}{u_i} \text{ и } d_i = \frac{u_i - u_{ii}}{u_i}, r_i + d_i = 100 \%,$$

$$\sum_{i \neq j} u_{ij} = u_i - u_{ii}, \sum_{j=1}^m u_{ij} = u_i, w_j^i = \frac{u_{ij}}{u_i - u_{ii}},$$

где r_i – доля родины в общей численности проживающих в стране уроженцев i -го региона, % от указавших регион в качестве места рождения; d_i – доля живущих на чужбине (переселившихся) уроженцев i -го региона, % от указавших регион в качестве места рождения; u_i – общая численность участников переписи, указавших i -й регион в качестве места рождения; u_{ii} – численность коренного населения, проживающего на родине, в i -м регионе; $u_i - u_{ii}$ – всего уроженцев i -го региона, переселившихся в другие регионы Российской Федерации; u_{ij} – численность уроженцев i -го региона, проживающих (перехавших) в j -м регионе; w_j^i – мощность миграции уроженцев i -го региона в направлении j -го региона.

Местные уроженцы в структуре населения регионов

Миграционная подвижность населения регионов Сибирского и Дальневосточного федеральных округов является одной из наиболее острых и освещаемых тем в научной среде, в особенности это касается восточных территорий российского государства. За прошедшую четверть XXI столетия продолжается активное перераспределение населения по территории всей страны. По ВПН 2002 основное ядро постоянного населения практически всех федеральных округов (ФО) Российской Федерации (кроме Северо-Западного и Дальневосточного) формировали местные уроженцы территорий – более 50 % родившихся и проживающих в родном регионе постоянно (табл.). ВПН 2010 регистрирует снижение удельного веса местных уроженцев за межпереписной период видимо из-за увеличения их общей подвижности и влияния демографических процессов в регионах. Пришлое население преобладало в структуре жителей всех ФО.

Сравнение итогов трех переписей (табл.) позволяет отметить волнообразный характер подвижности населения – значительное повышение доли непрерывно проживающих на территории региона с рождения во всех ФО, в особенности в Северо-Кавказском.

Таблица

Доля населения, непрерывно проживающего по месту жительства с рождения, в %⁴

Территории	2002	2010	2020
Все население страны	55,7	46,2	67,0
Центральный федеральный округ	55,7	47,9	67,0
Северо-Западный федеральный округ	49,7	44,0	61,0
Южный федеральный округ	57,4	45,2	68,5
Северо-Кавказский федеральный округ	*	59,8	81,1
Приволжский федеральный округ	59,3	45,7	68,3
Уральский федеральный округ	50,1	42,8	62,6
Сибирский федеральный округ	53,3	42,7	62,4
Дальневосточный федеральный округ	48,9	42,2	64,8

Примечание. * – Северо-Кавказский ФО ранее входил в состав Южного ФО.

Источники таблицы и всех рисунков: расчеты авторов по данным Росстата.

Анализ динамики пропорций местных уроженцев, новоселов и старожилов в структуре населения регионов Сибири и Дальнего Востока (рис. 1) выявил некоторые особенности. Основу населения на начало XXI в. составляли жители, родившиеся и непрерывно проживающие в местах своего рождения, – практически в половине всех рассматриваемых регионов они представляли более 50 %. Остальная часть населения была сформирована новоселами (до 11 лет ПНП) и старожилами, последние составляли практически третью часть населения. Исключение составляла Магаданская область, население которой сохранило следы советского периода формирования за счет прослойки пришлого населения – 46,3 % старожилов и 37,1 % местных уроженцев. Кроме того, в регионах ДФО наблюдалась большая по сравнению с СФО миграционная активность населения. Доля рожденных и проживающих постоянно в месте рождения в большей части субъектов ниже 50 %: в ДФО это Камчатская (44,3 %) и Амурская (47,9 %) области, Хабаровский край (48,3 %) и др.; в СФО только три региона – Республика Хакасия (41,3 %), Красноярский край (47 %) и Томская область (48,8 %).

По результатам переписи населения 2010 г. наблюдается значительная трансформация генезисной структуры населения: по всем рассматриваемым регионам высокая доля старожилов, а по некоторым она преобладает над долей местных уроженцев, например Республики Алтай и Хакасия, Красноярский и Камчатский края (см. рис. 1). Стоит отметить, что в ДФО это преобладание наблюдалось в большинстве регионов.

Последняя проведенная в 2021 г. перепись показала снова снижение миграционной подвижности жителей регионов СФО и ДФО – доля местных уроженцев в общей совокупности вновь превысила 50 %, снизились доли новоселов и старожилов.

⁴ Здесь и далее все доли рассчитаны по данным всероссийских переписей населения от числа указавших продолжительность непрерывного проживания в месте постоянного жительства.

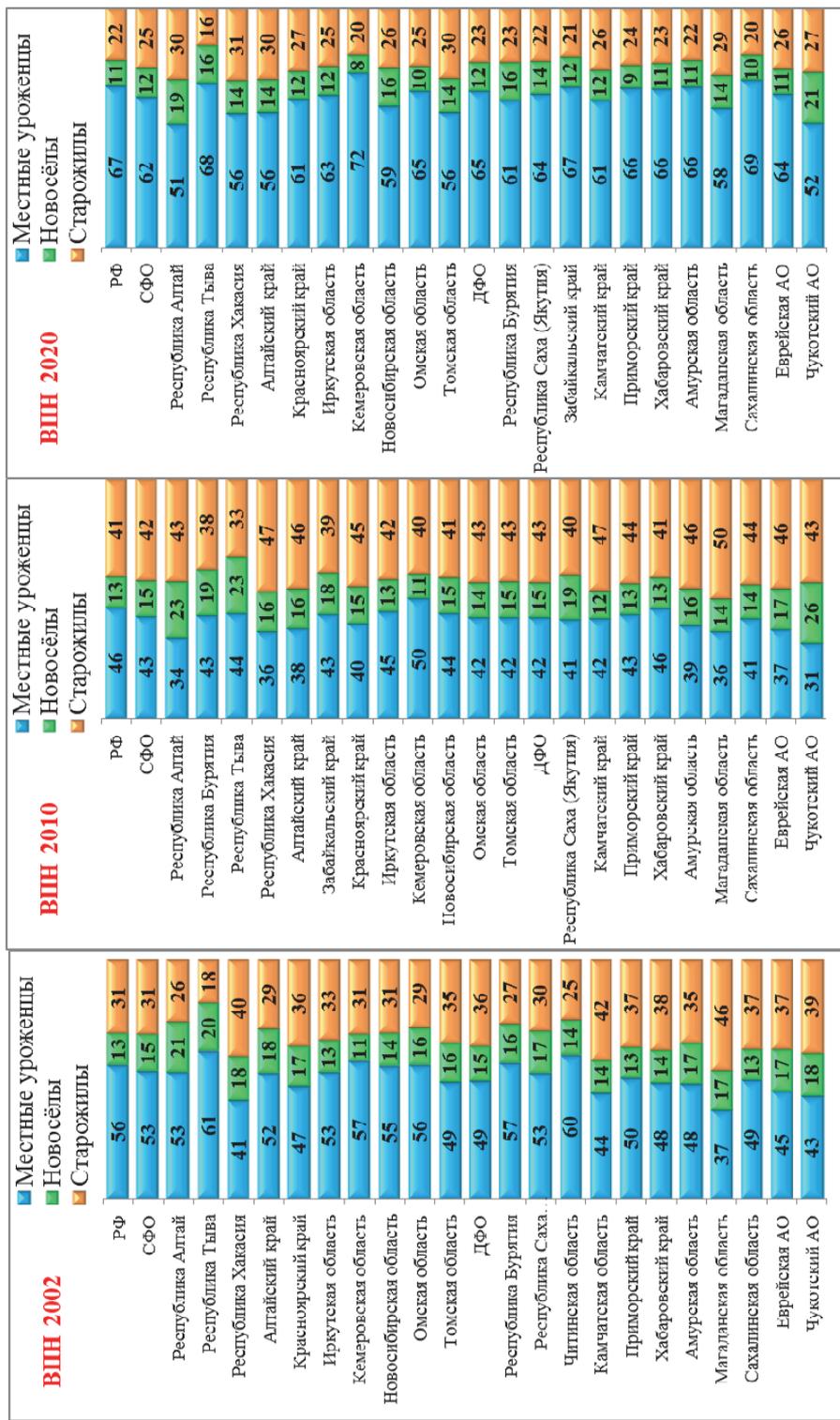


Рис. 1. Структура населения регионов по продолжительности непрерывного проживания в месте постоянного жительства, %

Кроме того, значительное негативное влияние на ситуацию оказывает общее сокращение демографических ресурсов территорий – за 2002–2010 гг. значимые потери от общего числа жителей в регионах были характерны для всех территорий, кроме Республик Алтай, Тыва и Саха (Якутия). Большие потери наблюдались в Алтайском крае, Иркутской и Омской областях в СФО. По ДФО лидеры по потерям собственного населения – Магаданская и Сахалинская области, Камчатский край.

За 2010–2021 гг. по СФО прирост населения наблюдался только в Республиках Алтай, Тыва и Хакасия, Красноярском крае, Новосибирской и Томской областях, максимальная убыль – в Алтайском крае. По ДФО прирост зафиксирован лишь в Республиках Саха (Якутия) и Бурятия, максимумы убыли – в Еврейской АО и Магаданской области.

На динамику численности населения негативное влияние оказывает и снижение воспроизводственных процессов. На всех рассматриваемых территориях на протяжении всего анализируемого периода наблюдается естественная убыль населения, прирост отмечался только в национальных республиках и регионах, в которых проживают народы, традиционно характеризующиеся высокой рождаемостью (Республики Алтай, Тыва, Хакасия, Саха (Якутия), Бурятия и Забайкальский край).

Направления миграционных перемещений жителей

В отношении миграционных перемещений жителей интерес вызывают направления миграции коренного населения рассматриваемых регионов. Всероссийские переписи населения позволяют проследить не только их территориальное перераспределение по стране, но и отследить мощность миграционных потоков переселенцев. На основе изложенной выше методологии по ВПН 2020 рассчитана доля местных уроженцев регионов, покинувших свою малую родину для проживания в другом субъекте страны. Направления миграционных предпочтений жителей регионов СФО и ДФО представлены на рис. 2, при этом мощность удельных потоков миграции коренных жителей рассчитана в % от общего количества коренных жителей, покинувших родной регион. Лидерами по мощности миграционного притяжения жителей Сибири и Дальнего Востока исторически остается центр страны – г. Москва и Московская область, далее следуют г. Санкт-Петербург и Краснодарский край, Красноярский край и Иркутская область, Новосибирская область и Республики Бурятия и Саха (Якутия), Приморский край.

На первую десятку российских регионов, принимающих переселенцев из СФО, приходится от 56 (Иркутская область) до 80 % (Республика Хакасия) потока переезжающего коренного населения региона, по ДФО – от 47 (Магаданская область) до 76 % (Еврейская АО).

В качестве нового места жительства уроженцы регионов СФО и ДФО в первую очередь отдают предпочтение соседним регионам: сибиряки – преимущественно Красноярскому краю, Иркутской, Новосибирской и Кемеровской областям, дальневосточники – Хабаровскому и Приморскому краям, Иркутской области. Например, более половины (53 %) миграционного пото-

ка уроженцев Республики Хакасия переселилась в соседний Красноярский край. Подобная ситуация наблюдается в ДФО: 43 % миграционного потока уроженцев Еврейской АО проживает в регионе-соседе – Хабаровском крае. В большем предпочтении западные регионы, такие как Краснодарский край, Москва и Санкт-Петербург. Сибирь как была, так и остается буфером между Дальним Востоком и «континентом». С одной стороны, она отдает свое население на Запад, с другой, – является реципиентом для всех восточных относительно нее территорий [Рыбаковский, 2022].



а) СФО



б) ДФО

Рис. 2. Направления и мощность миграции коренного населения регионов СФО и ДФО, цифрами указаны доли коренного населения в регионах, %

Новоселы и старожилы регионов как индикаторы подвижности и приживаемости мигрантов

Особый исследовательский интерес представляет когорта новоселов – наиболее подвижная прослойка населения территорий. Их численность и динамика являются важными показателями миграционных процессов, подвижности переселенцев. По мнению О. Д. Воробьевой, этот показатель «может быть использован для оценки миграционной привлекательности того или иного региона в межпереписной период, интенсивности миграционного процесса и исследования факторов, повлиявших на уровень миграционной активности (или неактивности) населения» [Воробьева, 2017, с. 36].

Для анализа миграционной активности и подвижности переселенцев используются показатели доли новоселов в приезде населения, проживающих в месте постоянного жительства менее двух лет [Абылкаликов, 2015, 2021]. По данным МПН 2015 г. в СФО насчитывалось 7 % новоселов, по ВПН 2020 – уже 7,3 %; в Дальневосточном регионе – тоже небольшой рост: с 7,3 до 8,1 %.

Наибольший удельный вес новоселов в городской местности среди всех рассматриваемых регионов отмечается в Республиках Алтай и Тыва (рис. 3). Относительно высокая доля новоселов в Новосибирской и Амурской областях, Республике Саха (Якутия), Забайкальском крае.

В сельской местности более высокие доли новоселов, чем в городской: в СФО – в большинстве регионов, в ДФО – практически во всех, максимальное значение – в Республике Тыва. Повышенная доля новоселов в Иркутской области, Республиках Алтай, Бурятия, Саха (Якутия), Магаданской и Сахалинской областях.

С одной стороны, относительно высокую долю новоселов можно связать с активными внутрирегиональными перемещениями сельского населения в городскую местность, особенно в регионах с незаконченным уровнем урбанизации (Республики Алтай, Тыва, Бурятия, Алтайский край). По мнению З. В. Анайбан, «сельская миграция является одним из основных факторов существующей социальной напряженности в городской местности Республики Тыва» [Анайбан, 2020, с. 64]. Так, по данным Росстата, в 2023 г. в Республике Алтай 60,6 % от общего числа прибывших в регион приходилось на внутрирегиональные перемещения. Для Республик Тыва и Хакасия – 60,2 и 59,3 % соответственно, это самые высокие показатели внутрирегиональной миграции по СФО. Это согласуется и с выводом С. И. Абылкаликова: «Высокий естественный прирост в Республике Тыве сопровождался высоким миграционным оттоком, а сельская местность является серьезным “поставщиком” мигрантов в города Тувы и в другие регионы России» [Абылкаликов, 2021, с. 136]. Это «излишки» демографических ресурсов, образованных за счет более высоких показателей естественного прироста населения и трудовых резервов, не нашедших своего места трудоустройства. Кроме того, социально-экономическое неблагополучие сельской местности в большей части регионов также определяет миграционное настроение у ее жителей, еще более истощая собственные трудовые ресурсы, обостряя демогра-

фические проблемы и усиливая моноцентризм городской местности. Существующий миграционный насос в регионах продолжает перекачивать демографические ресурсы села в город и за пределы регионов.

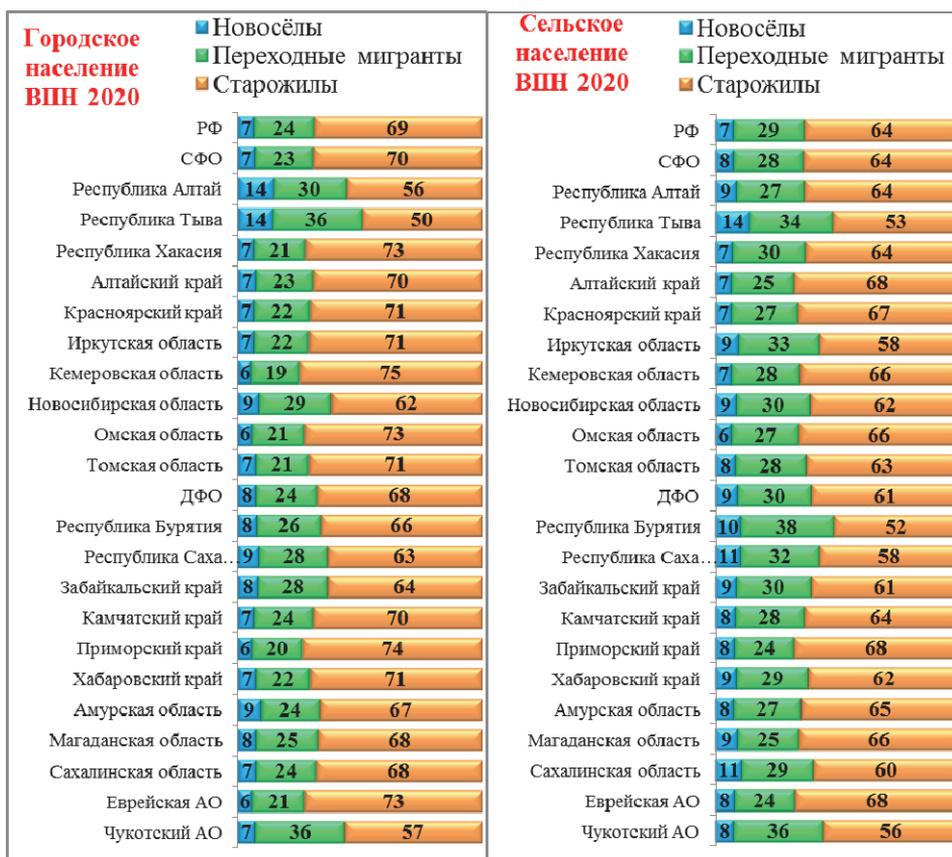


Рис. 3. Структура мигрантов в городской и сельской местности в 2021 г., %

Все это говорит о значительной трансформации жизни и переселенческих установок сельских жителей. Если ранее сельская местность была демографическим оплотом страны в вопросах рождаемости, то с учетом преобладания доли городского населения на современном этапе ожидать высоких показателей естественного прироста за ее счет не приходится. Демографическую политику регионов сегодня формирует городское пространство – как основной источник концентрации демографического потенциала и транслятор новых воспроизводственных установок в бездетности и рождении одного или двух детей.

С другой стороны, доля новоселов в общей численности проживающих не с рождения свидетельствует о наличии или отсутствии в данном регионе относительно новых точек притяжения [Территориальные ... , 2018]. С этой точки зрения, приток мигрантов в регионы является индикатором социально-экономического развития территорий, уровня их благосостояния и миграци-

онной привлекательности [Mkrtychyan, Gilmanov, 2024] и отражает действие одного из законов миграции Э. Равенштейна: большая часть мигрантов на длинные расстояния перемещается в направлении крупных промышленных и торговых центров [Ravenstein, 1885]. Примером подобных центров стягивания и привлечения могут выступать современные государственные проекты развития территорий (ТОРы), разработанные практически для всех регионов СФО и ДФО. Их реализация в большей степени ориентирована на создание новых рабочих мест за счет трудовых ресурсов собственных регионов, а также способствует притоку трудовых мигрантов из-за пределов России и из других субъектов страны. Анализ структуры прибывших из других регионов России в 2023 г. показал, что наиболее привлекательными для мигрантов являются Чукотский АО (71,8 % от общего числа прибывших), Еврейская АО (68,9 %), Магаданская область (58 %) и Камчатский край (54,7 %)⁵. Именно в них активно реализуются инвестиционные проекты: в горнодобывающей отрасли на крупных месторождениях Чукотки (ТОР Чукотка), в добывающей, легкой и пищевой промышленности, туристическо-рекреационной деятельности в Еврейской АО (ТОР Амуро-Хинганская), в горнодобывающей отрасли Магаданской области, туристическо-рекреационной, портово-промышленной и агропромышленной на Камчатке (ТОР Камчатка)⁶. Доля прибывших из других субъектов в дальневосточных регионах отличается большими значениями по сравнению с сибирскими территориями. Для последних максимумы показателей наблюдались в Республике Хакасия (47,9 %) и Новосибирской области (37,1 %). Несмотря на это, нужно отметить, что в советский период действия программ комплексного развития территорий доля новоселов составляла значительно большие величины: по переписи 1989 г. для СФО – 13,3 % и 15,9 % для ДФО [Территориальные ... , 2018].

На рис. 4 можно проследить взаимосвязь показателей: доля новоселов в структуре приезжего населения, удельный вес сельских жителей и хозяйственная специализация регионов (по доле преобладающего вида экономической деятельности (ВЭД) в структуре валового регионального продукта) в 2021 г. Это позволит определить, с чем именно связана доля новоселов в регионах – с процессами урбанизации или с их экономикой?

Регионы с преобладанием сельского населения (Республики Алтай, Тыва и Хакасия, Алтайский край, Республики Бурятия и Саха (Якутия), Забайкальский край, Амурская область) имеют относительно высокие доли новоселов, что говорит о значительной миграционной подвижности сельского населения и активных внутрирегиональных перемещениях. То есть высокая доля новоселов формируется за счет миграционной подвижности сельского населения в городскую местность. Ресурсодобывающие регионы также более привлекательны для трудовых мигрантов, что отражается на показателе новоселов (Кемеровская, Иркутская и Томская области, Республика Саха (Якутия), Забайкальский край, Магаданская и Сахалинская области, Чукотский АО), и, скорее всего, в его формировании принимают участие не только внутрирегиональные, но и межрегиональные мигранты.

⁵ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024 : стат. сб. / Росстат. М., 2024. 1081 с.

⁶ Список действующих ТОР в Дальневосточном федеральном округе. URL: <https://primamedia.ru/news/924808/> (дата обращения: 15.08.2025).



Рис. 4. Доли новоселов в структуре мигрантов, сельского населения и преобладающего вида деятельности в структуре ВРП регионов СФО и ДФО в 2021 г., %
 ВЭД: А – сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство, В – добыча полезных ископаемых, С – обрабатывающие производства, F – строительство, G – торговля оптовая и розничная, ремонт автотранспортных средств и мотоциклов, Н – транспортировка и хранение, О – государственное управление и обеспечение военной безопасности, социальное обеспечение

Другой вопрос касается приживаемости (закрепляемости) этих трудовых мигрантов – будут ли это временные новоселы-вахтовики одиночки, покидающие регион с окончанием трудовых работ, или новоселы-мигранты, адаптировавшиеся к условиям жизни в регионе. В регионах, где реализуются инвестиционные проекты, большая доля приезжих работает вахтовым методом, эта форма трудовой деятельности является наиболее оптимальной для подобных проектов, не имеющих характера масштабного хозяйственного и

инфраструктурного освоения регионов. Демографический прирост населения вахтовый метод работы не формирует, более того, может нанести урон брачно-семейным отношениям вследствие продолжительного проживания вдали от семьи и увеличения числа разводов. Вопрос эффективности проводимой миграционной политики касается аспектов приживаемости семейных и бес-семейных новоселов-невременщиков, прибывших в новое место жительства с целью работы, учебы и проживания на постоянной основе. К сожалению, многие проекты ориентированы на привлечение именно вахтовой категории рабочих, особенно в регионах с низкой плотностью населения и слабостью развития транспортно-инфраструктурного каркаса территории. Так, в исследовательском центре SuperJob заявили, что чаще всего вакансии с вахтовым режимом работы предлагают работодатели из Дальневосточного, Сибирского, Приволжского и Уральского ФО⁷. Рост вахтовой занятости происходит на фоне снижения общего числа занятых в экономике путем замещения традиционных форм занятости вахтовым трудом [Степуть, Гуртов, 2023].

Прижившиеся новоселы в местах вселения на постоянной основе становятся старожилами, доля которых зависит от численности местных уроженцев и пришлых жителей. Их удельный вес может служить показателем того, насколько эффективно протекает приживаемость бывших мигрантов, их адаптация с течением времени. Прослойка «переходных мигрантов» формирует некоторый потенциал для дальнейшей миграционной активности жителей или возможности закрепления переселенцев в местах вселения. Она является ресурсом для миграционных потоков и может мигрировать при благоприятных для нее обстоятельствах [Максимова, 2016].

По ВПН 2020 удельный вес старожил (на постоянном месте жительства более 11 лет) снизился по сравнению с показателями МПН 2015 как в общей совокупности населения, так и в структуре мигрантов. В структуре всего населения прослойка старожил продолжает составлять почти 1/3 часть совокупности с незначительными колебаниями по регионам: в СФО она снизилась с 30,8 % в 2015 г. до 25,5 % в 2020 г., в ДФО с 32 до 23,1 %. По итогам последней проведенной переписи в сибирском макрорегионе максимум значений приходился на Республики Хакасия (30,6 %) и Алтай (30,2 %), Алтайский край (30,1 %). Минимальное значение – в Республике Тыва (16,1 %). В Дальневосточном регионе по доле старожил лидировала Магаданская область (28,5 %), в минимуме – Сахалинская (20,4 %).

Тенденцию снижения прослойки старожил за этот период можно проследить и в структуре приезжего населения части регионов (рис. 5), хотя по-прежнему в большинстве из них ее доля составляет более 60 %. В СФО в целом она незначительно выросла – с 67,3 % в 2015 г. до 67,7 % к 2020 г., а в ДФО произошло более ощутимое снижение – с 68,7 до 65,7 %. Среди сибирских территорий лидерами по приживаемости старожил являлись Кемеровская и Омская области, в ДФО – Приморский край и Еврейская АО. Низкие закрепляемость и адаптация переселенцев отмечаются в Республике Тыва и Чукотском АО.

⁷ Крепкая нехватка: в России резко вырос спрос на вахтовиков. URL: <https://iz.ru/1663420/anna-kaledina-evgenii-grachev/krpkaia-nekhvatka-v-rossii-rezko-vyros-spros-na-vakhtovikov> (дата обращения: 28.08.2025).

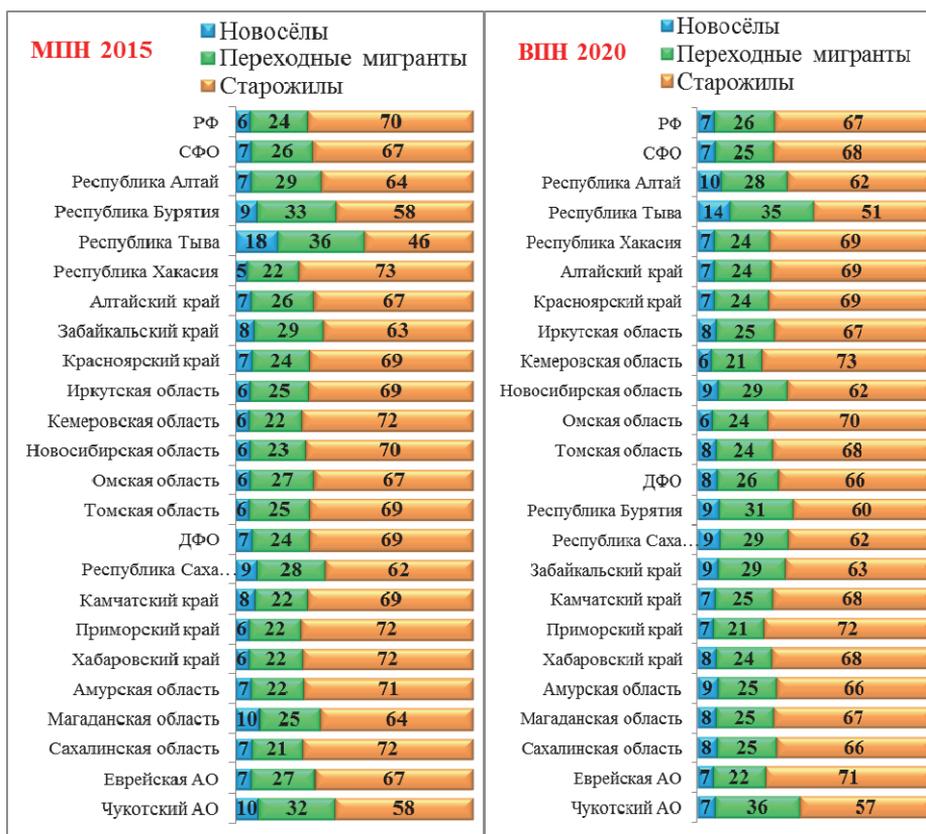


Рис. 5. Распределение мигрантов по периоду непрерывного проживания в месте постоянного жительства в 2015 и 2020 г., %

Полученные результаты отражают более низкую приживаемость приезжего населения на Дальнем Востоке в сравнении с сибирскими территориями за рассматриваемый период, а также демонстрируют снижение удельного веса старожилов в структуре всего населения и среди лиц, имеющих миграционный опыт, в основном за счет увеличения доли местных уроженцев и незначительной прослойки новоселов. Определенное значение играет и естественная убыль населения.

Заключение

На современном этапе ядро постоянного населения регионов Сибирского и Дальневосточного федеральных округов формируется преобладающей долей местных уроженцев, составляющих в структуре населения более 60 %, миграционная активность которых по ВПН 2020 значительно ниже, чем в начале XXI века. Из общей тенденции выпадают регионы позднего освоения (Магаданская область и Чукотский АО), отличающиеся текучестью всего населения. Снижение миграционной подвижности населения в регионах также связано с сокращением доли новоселов.

Направления основных миграционных потоков из всех рассматриваемых регионов продолжают сохранять свою ориентацию на соседние территории, при этом отражают и превалирование вектора западных направлений. Соседствующее положение регионов в ряде случаев может оказывать негативный эффект, проявляющийся в перекачивании демографических ресурсов с других территорий. Так, более половины (53 %) миграционного потока уроженцев Республики Хакасия по данным ВПН 2020 переселилась в соседний регион – Красноярский край, и почти половина (43 %) миграционного потока уроженцев Еврейской АО проживает в регионе-соседе – Хабаровском крае. Несмотря на включение Забайкальского края и Республики Бурятия в Дальневосточный макрорегион, их миграционные связи остаются прежними, направленными на близлежащие территории, что обусловлено их географическим положением, экономическими и этнографическими связями.

Миграционную активность жителей и привлекательность регионов определяют показатели новоселов (категория до двух лет) в структуре пришлового населения. Большая миграционная привлекательность отмечается в дальневосточных регионах: в ДФО – 8,1 % против 7,3 % в СФО. В сельской местности большая прослойка новоселов, чем в городской, что говорит о высокой миграционной подвижности сельских жителей. Сельское население регионов Дальнего Востока по доле новоселов является более подвижным, чем в Сибири. Регионы с преобладанием сельского населения (Республики Алтай, Тыва и Хакасия, Алтайский край – в СФО, Республики Бурятия и Саха (Якутия), Забайкальский край, Амурская область – в ДФО) имеют относительно высокие доли новоселов, что говорит о значительной миграционной подвижности сельского населения. По удельному весу новоселов выявлены регионы-лидеры (Кемеровская, Иркутская и Томская области, Республика Саха (Якутия), Забайкальский край, Магаданская и Сахалинская области, Чукотский АО), ресурсодобывающая деятельность которых способствует привлечению трудовых мигрантов. Однако, несмотря на сохраняющуюся сырьевую специализацию рассматриваемых территорий, доля мигрантов-новоселов в сравнении с советским периодом времени относительно мала. Можно предположить, что реализуемые проекты ТОР не оказывают существенного влияния на привлечение на постоянное проживание населения из других регионов, как ранее реализуемые комплексные программы развития территорий.

Несмотря на большие доли новоселов в регионах Дальнего Востока, он отличается и большим миграционным оттоком жителей и меньшей приживаемостью приезжего населения по сравнению с сибирскими территориями. Для него характерно снижение удельного веса старожилов в структуре всего населения и среди мигрантов.

Высокая миграционная активность жителей рассматриваемых регионов с точки зрения национальной безопасности, на взгляд авторов, требует переосмысления роли государственного управления развитием территорий и их заселением, возрождения программ сельскохозяйственного переселения, формирования политических программ по закреплению и адаптации переселенцев, преимущественно семейных, как это было в советский период. По-

вышение качества жизни жителей регионов, как главного фактора в укоренении приезжающего населения и снижении миграционной подвижности собственных жителей, является решающим в сохранении демографических ресурсов рассматриваемых регионов.

В советский период миграционная подвижность населения служила инструментом заселения и расширения демографического пространства Сибири и Дальнего Востока – регионов позднего освоения, малоосвоенных и слабозаселенных, удаленных от центра страны. В настоящее время она имеет негативный характер и ведет к постепенному демографическому «сжатию» этих территорий. Их приграничность диктует необходимость четкой эффективной миграционной политики геопространственной самоидентификации на новом этапе позиционирования российского присутствия на Дальнем Востоке, чтобы высказывание Б. Франклина о том, что «большая империя, как и большой пирог, начинает крошиться с краев», не нашло своего воплощения.

Список литературы

- Абылкаликов С. И.* Миграционная активность и приживаемость населения регионов России // Региональные исследования. 2015. № 3 (49). С. 65–73.
- Абылкаликов С. И.* Особенности демографического развития Тувы: вклад миграции в демографический баланс // Новые исследования Тувы. 2021. № 4. С. 131–142. <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.10>
- Анайбан З. В.* Современная миграционная ситуация в Республике Тыва // Sciences of Europe. 2020. № 49-4. С. 62–66.
- Булаев В. М.* Очерки социально-демографической ситуации в России на начало XXI века. Раздел VII. Миграция населения. Особенности расселения и приживаемости коренных народов в регионах страны. Улан-Удэ : Издат. БНЦ СО РАН, 2012. 159 с.
- Воробьева О. Д.* Рынок труда и миграция населения Дальнего Востока // Уровень жизни населения регионов России. 2017. № 2 (204). С. 35–40. https://doi.org/10.12737/article_59007e9adba372.94662480
- Зайончковская Ж. А., Переведенцев В. И.* Проблемы приживаемости новоселов и методы их изучения // Известия СО АН СССР. 1965. № 5. Вып. 2. 164 с.
- Максимова А. С.* Миграционная подвижность населения и ее оценка // Миграция и социально-экономическое развитие. 2016. Т. 1, № 2. С. 97–110. <https://doi.org/10.18334/migration.1.2.38083>
- Минакир П. А., Найден С. Н.* Социальная динамика на Дальнем Востоке: дефект идей или провал институтов? // Регион: Экономика и Социология. 2020. № 3 (107). С. 30–61. <https://doi.org/10.15372/REG20200302>
- Минакир П. А.* Развитие экономики Дальнего Востока России: эффекты государственной политики. Хабаровск : ИЭИ ДВО РАН, 2021. 208 с.
- Рыбаковский Л. Л.* Миграция населения. М. : Юрайт, 2019. 486 с.
- Рыбаковский Л. Л.* Миграция населения. Три стадии миграционного процесса. (Очерки теории и методов исследования). М. : Экон-информ, 2003. 217 с.
- Рыбаковский О. Л.* Закономерности и особенности межрегиональных миграционных связей населения России за 50 лет: М. : ФНИСЦ РАН, 2022. 471 с.
- Степуть И., Гуртов В.* Вахтовая занятость в экономике арктической зоны России: динамика, масштабы, профессионально-квалификационные характеристики // Общество и экономика. 2023. № 6. С. 90–108. <https://doi.org/10.31857/S020736760025036-8>
- Ткаченко А. А.* Задачи пространственного развития России с точки зрения демографических процессов и национальной безопасности // Вестник Российской академии наук. 2023. Т. 93, № 2. С. 112–120. <https://doi.org/10.31857/S0869587323020111>
- Территориальные сдвиги в размещении населения РФ и социально-экономическое развитие регионов / А. В. Топилин, О. Д. Воробьева, А. С. Максимова [и др.]. М. : Креатив. экономика. 2018. 168 с.

Шворина К. В., Фалейчик Л. М. Основные тренды миграционной мобильности населения регионов Сибирского и Дальневосточного Федеральных округов // Экономика региона. 2018. Т. 14, № 2. С. 485–501. <http://doi.org/10.17059/2018-2-12>

Abylkalikov S. I. Migration activity and adaptation of Russian regional populations // Regional Research of Russia. 2016. Vol. 6, N 4. P. 357–365. <https://doi.org/10.1134/S207997051604002X>

Abylkalikov S. I. Migration in the Russian Far East: Great colonization and depopulation // SGEM Conference Proceedings on Anthropology, Archaeology, History and Philosophy. 2014. Part 67. P. 519–526. <https://doi.org/10.5593/sgemsocial2014/B31/S10.067>

Abylkalikov S. I., Sazin V. S. Migration in the Kaliningrad region reflected in the 1989–2015 censuses and microcensuses // Baltic Region. 2019, Vol. 11, N 2. P. 32–50. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-2-3>

Aleshkovski I. A., Gasparishvili A., Grebenyuk A. The changing landscape of Russia's emigration from 1990 to 2020: trends and determinants // Journal of Globalization Studies. 2023. Vol. 14, N 1. P. 42–65. <https://doi.org/10.30884/jogs/2023.01.04>

Glazyrina I. P., Faleychik L. M., Faleychik A. A. Russia's Eastern Border: Spatial Heterogeneity of Incomes and Problems of Population Retention // Regional Research of Russia. 2020. Vol. 10, N 4. P. 476–493. <https://doi.org/10.1134/S2079970520040139>

Karachurina L. B., Mkrtychyan N. V. Age-specific Migration in Regional Centres and Peripheral Areas of Russia // Comparative Population Studies. 2020. Vol. 44. P. 413–446. <http://doi.org/10.12765/CPoS-2020-12en>

Karachurina L. B., Mkrtychyan N. V. Experience in Calculating Distances between Different Types of Population Centers in Russia (to Estimate the distance of Population Migration) // Regional Research of Russia. 2024. Vol. 14, N 2. P. 213–226. <https://doi.org/10.1134/S2079970524600094>

Kartseva M. A., Mkrtychyan N. V., Florinskaya Y. Migration in Russia and Regional Socioeconomic Development: Cross-Impact Analysis // Studies on Russian Economic Development. 2020. Vol. 31, N 4. P. 421–429. <https://doi.org/10.1134/S1075700720040085>

Minakir P. A., Naiden S. N. Social Dynamics in the Russian Far East: Failure of the Institutional Paradigm // Regional Research of Russia. 2021. Vol. 11, N 2. P. 139–150. <https://doi.org/10.1134/S2079970521020118>

Mkrtychyan N. V., Gilmanov R. I. Large Russian Cities and Their Suburbs as Centers of Attraction for Internal Migrants // Regional Research of Russia. 2024. Vol. 14, N 1. P. 14–24. <https://doi.org/10.1134/S2079970523600324>

Motrich E. L., Molodkovets L. A. Shaping the Population and Labor Resources in the Russian Far East // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2019. Vol. 12, N 1. P. 53–69. <https://doi.org/10.15838/esc.2019.1.61.3>

Ravenstein E. G. The Laws of Migration // Journal of the Statistical Society of London. 1885. Vol. 48, N 2. P. 167–235. <https://doi.org/10.2307/2979181>

Rural-urban migration within Russia: Prospects and drivers / A. Chaplitskaya, G. Tassinari, W. Heijman, J. van Ophem // Regional Science Policy and Practice. 2024. Vol. 16, N 9. 100053. <https://doi.org/10.1016/j.rspp.2024.100053>

Ryazantsev S. V., Moiseeva E. M. Migration in the Context of the Demographic Development of the Russian Far East // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2022. Vol. 92, N 1. P. 65–75. <https://doi.org/10.1134/S1019331621020064>

Rybakovskii O. L. The Population Replacement of Russia: Objectives, Trends, Factors, and Possible Outcomes by 2024 // Russian Social Science Review. 2022. Vol. 63, N 4–6. P. 216–231. <https://doi.org/10.1080/10611428.2022.2134717>

Zaionchkovskaya Zh. A. Population Migration as an Indicator of Social Situation in the Post-Soviet Space // Studies on Russian Economic Development. 1997. Vol. 8, N 3. P. 286–292.

References

Abylkalikov S.I. Migratsionnaya aktivnost i prizhivaemost naseleniya regionov Rossii [Migration activity and adaptation of the population in Russian regions]. *Regionalnye issledovaniya* [Regional studies], 2015, no. 3 (49), pp. 65–73. (in Russian)

Abylkalikov S.I. Osobennosti demograficheskogo razvitiya Tuvy: vklad migratsii v demograficheskii balans [Features of Tuva's Demographic Development: The Contribution of Migration to

the Demographic Balance]. *Novye issledovaniya Tuva* [New research in Tuva], 2021, no. 4, pp. 131-142. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.10> (in Russian)

Anaiban Z.V. Sovremennaya migratsionnaya situatsiya v Respublike Tyva [The current migration situation in the Republic of Tuva]. *Sciences of Europe*, 2020, no. 49-4, pp. 62-66. (in Russian)

Bulaev V.M. *Ocherki sotsialno-demograficheskoi situatsii v Rossii na nachalo XXI veka. Razdel VII. Migratsiya naseleniya. Osobennosti rasseleniya i prizhivaemosti korennykh narodov v regionakh strany* [Essays on the socio-demographic situation in Russia at the beginning of the 21st century. Section 7. Population Migration. Features of the settlement and adaptation of indigenous peoples in the country's regions]. Ulan-Ude, BNTs SO RAN Publ., 2012, 159 p. (in Russian)

Vorob'eva O.D. Rynok truda i migratsiya naseleniya Dalnego Vostoka [The Labor Market and Migration in the Russian Far East]. *Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii* [The standard of living of the population of the Russian regions], 2017, no. 2 (204), pp. 35-40. https://doi.org/10.12737/article_59007e9adba372.94662480 (in Russian)

Zaionchkovskaya Zh.A., Perevedentsev V.I. Problemy prizhivaemosti novoselov i metody ikh izucheniya [Problems of newcomers' adaptation and methods of studying them]. *Izvestiya SO AN SSSR* [Izvestiya SB of the USSR Academy of Sciences], 1965, no. 5, iss. 2, 164 p. (in Russian)

Maksimova A.S. Migratsionnaya podvizhnost naseleniya i ee otsenka [Migration mobility of the population and its assessment]. *Migratsiya i sotsialno-ekonomicheskoe razvitie* [Migration and Social Development], 2016, vol. 1, no. 2, pp. 97-110. <https://doi.org/10.18334/migration.1.2.38083> (in Russian)

Minakir P.A., Naiden S.N. Sotsialnaya dinamika na Dalnem Vostoke: defekt idey ili proval institutov? [Social dynamics in the Far East: the defect of ideas or the failure of institutions?]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 2020, no. 3 (107), pp. 30-61. <https://doi.org/10.15372/REG20200302> (in Russian)

Minakir P.A. *Razvitie ekonomiki Dalnego Vostoka Rossii: efekty gosudarstvennoi politiki* [Economic Development in the Russian Far East: The Impact of Government Policy]. Khabarovsk, IEI DVO RAN Publ., 2021, 208 p. (in Russian)

Rybakovskii L.L. *Migratsiya naseleniya* [Population migration]. Moscow, Yurait Publ., 2019, 486 p. (in Russian)

Rybakovskii L.L. *Migratsiya naseleniya. Tri stadii migratsionnogo protsesssa. (Ocherki teorii i metodov issledovaniya)* [Population Migration. Three Stages of the Migration Process. (Essays on Theory and Research Methods)]. Moscow, Ekon-inform Publ., 2003, 217 p. (in Russian)

Rybakovskii O.L. *Zakonomernosti i osobennosti mezhregional'nykh migratsionnykh svyazei naseleniya Rossii za 50 let* [Patterns and Features of Interregional Migration Relations in Russia over the Past 50 Years]. Moscow, FNISTS RAN Publ., 2022, 471 p. (in Russian)

Stepus' I., Gurtov V. Vakhrovaya zanyatost v ekonomike arkticheskoi zony Rossii: dinamika, masshtaby, professionalno-kvalifikatsionnye kharakteristiki [Shift work in the economy of the Russian Arctic zone: dynamics, scale, professional and qualification characteristics]. *Obshchestvo i ekonomika* [Society and economy], 2023, no. 6, pp. 90-108. <https://doi.org/10.31857/S020736760025036-8> (in Russian)

Tkachenko A.A. Zadachi prostranstvennogo razvitiya Rossii s tochki zreniya demograficheskikh protsessov i natsionalnoi bezopasnosti [Tasks of spatial development of Russia from the point of view of demographic processes and national security]. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk* [Herald of the Russian Academy of Sciences], 2023, vol. 93, no. 2, pp. 112-120. <https://doi.org/10.31857/S0869587323020111> (in Russian)

Topilin A.V., Vorob'eva O.D., Maksimova A.S., Grebenyuk A.A., Lebedeva T.V. *Territorial'nye sdvigi v razmeshchenii naseleniya RF i sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie regionov* [Territorial shifts in the population distribution of the Russian Federation and socioeconomic development of the regions]. Moscow, Kreativnaya ekonomika Publ., 2018, 168 p. (in Russian)

Shvorina K.V., Faleychik L.M. Osnovnye trendy migratsionnoi mobilnosti naseleniya regionov Sibirskogo i Dalnevostochnogo Federal'nykh okrugov [Main trends of migration mobility in the Siberian and Far Eastern Federal Districts]. *Ekonomika regiona* [Economy of Regions], 2018, vol. 14, no. 2, pp. 485-501. <https://doi.org/10.17059/2018-2-12> (in Russian)

Abylkalikov S.I. Migration Activity and Adaptation of Russian Regional Populations. *Regional Research of Russia*, 2016, vol. 6, no. 4, pp. 357-365. <http://doi.org/10.1134/S207997051604002X>

Abylkalikov S.I. Migration in the Russian Far East: Great colonization and depopulation. *SGEM Conference Proceedings on Anthropology, Archaeology, History and Philosophy*. Sofia, 2014, part 67, pp. 519-526. <https://doi.org/10.5593/sgemsocial2014/B31/S10.067>

Abylkalikov S.I., Sazin V.S. Migration in the Kaliningrad region reflected in the 1989-2015 censuses and microcensuses. *Baltic Region*, 2019, vol. 11, no. 2, pp. 32-50. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-2-3>

Aleshkovski I.A., Gasparishvili A., Grebenyuk A. The changing landscape of Russia's emigration from 1990 to 2020: trends and determinants. *Journal of Globalization Studies*, 2023, vol. 14, no. 1, pp. 42-65. <https://doi.org/10.30884/jogs/2023.01.04>

Glazyrina I.P., Faleychik L.M., Faleychik A.A. Russia's Eastern Border: Spatial Heterogeneity of Incomes and Problems of Population Retention. *Regional Research of Russia*, 2020, vol. 10, no. 4, pp. 476-493. <https://doi.org/10.1134/S2079970520040139>

Karachurina L.B., Mkrtychyan N.V. Age-specific Migration in Regional Centres and Peripheral Areas of Russia. *Comparative Population Studies*, 2020, vol. 44, pp. 413-446. <http://doi.org/10.12765/CPoS-2020-12en>

Karachurina L.B., Mkrtychyan N.V. Experience in Calculating Distances between Different Types of Population Centers in Russia (to Estimate the distance of Population Migration). *Regional Research of Russia*, 2024, vol. 14, no. 2, pp. 213-226. <https://doi.org/10.1134/S2079970524600094>

Kartseva M.A., Mkrtychyan N.V., Florinskaya Y. Migration in Russia and Regional Socioeconomic Development: Cross-Impact Analysis. *Studies on Russian Economic Development*, 2020, vol. 31, no. 4, pp. 421-429. <https://doi.org/10.1134/S1075700720040085>

Minakir P.A., Naiden S.N. Social Dynamics in the Russian Far East: Failure of the Institutional Paradigm. *Regional Research of Russia*, 2021, vol. 11, no. 2, pp. 139-150. <https://doi.org/10.1134/S2079970521020118>

Mkrtychyan N.V., Gilmanov R.I. Large Russian Cities and Their Suburbs as Centers of Attraction for Internal Migrants. *Regional Research of Russia*, 2024, vol. 14, no. 1, pp. 14-24. <https://doi.org/10.1134/S2079970523600324>

Motrich E.L., Molodkovets L.A. Shaping the Population and Labor Resources in the Russian Far East. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 1, pp. 53-69. <https://doi.org/10.15838/esc.2019.1.61.3>

Ravenstein E.G. The Laws of Migration. *Journal of the Statistical Society of London*, 1885, vol. 48, no. 2, pp. 167-235. <https://doi.org/10.2307/2979181>

Chaplitskaya A., Tassinari G., Heijman W., van Ophem J. Rural-urban migration within Russia: Prospects and drivers. *Regional Science Policy and Practice*, 2024, vol. 16, no. 9, 100053. <https://doi.org/10.1016/j.rsp.2024.100053>

Ryazantsev S.V., Moiseeva E.M. Migration in the Context of the Demographic Development of the Russian Far East. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 2022, vol. 92, no. 1, pp. 65-75. <https://doi.org/10.1134/S1019331621020064>

Rybakovskii O.L. The Population Replacement of Russia: Objectives, Trends, Factors, and Possible Outcomes by 2024. *Russian Social Science Review*, 2022, vol. 63, no. 4-6, pp. 216-231. <https://doi.org/10.1080/10611428.2022.2134717>

Zaionchkovskaya Zh.A. Population Migration as an Indicator of Social Situation in the Post-Soviet Space. *Studies on Russian Economic Development*, 1997, vol. 8, no. 3, pp. 286-292.

Сведения об авторах

Парфенова Ксения Владимировна

кандидат географических наук,
научный сотрудник

Институт природных ресурсов,

экологии и криологии СО РАН

Россия, 672002, г. Чита,

ул. Недорезова, 16а

e-mail: gorina08@yandex.ru

Information about the authors

Parfenova Ksenia Vladimirovna

Candidate of Sciences (Geography),

Research Scientist

Institute of Natural Resources,

Ecology and Cryology SB RAS

16a, Nedorezov st., Chita, 672014,

Russian Federation

e-mail: gorina08@yandex.ru

Фалейчик Лариса Михайловна

*кандидат технических наук,
старший научный сотрудник,
Институт природных ресурсов,
экологии и криологии СО РАН
Россия, 672014, г. Чита,
ул. Недорезова, 16а
e-mail: lfaleychik@bk.ru*

Faleychik Larisa Mikhailovna

*Candidate of Sciences (Technology),
Senior Research Scientist
Institute of Natural Resources,
Ecology and Cryology SB RAS
16a, Nedorezov st., Chita, 672014,
Russian Federation
e-mail: lfaleychik@bk.ru*

Код научной специальности: **1.6.13**

Статья поступила в редакцию **18.08.2025**; одобрена после рецензирования **11.01.2026**; принята к публикации **10.03.2026**

The article was submitted **August, 18, 2025**; approved after reviewing **January, 11, 2026**; accepted for publication **March, 13, 2026**